

Российская академия наук
Институт экономики

М.И. Воейков

Великая российская революция:
экономическое измерение

Москва
Институт экономики
2017

Воейков М.И. Великая российская революция: экономическое измерение: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. – 57с.

ISBN 978-5-9940-0594-1

Аннотация. В докладе рассматриваются проблемы политэкономической интерпретации Великой Русской революции. Доказывается, что она в целом носила буржуазно-демократический характер, включала два этапа: февраль и октябрь. Никаких объективных оснований для объявления Октябрьской революции социалистической не было, ибо капитализм в России к началу XX века только начал складываться. Дальнейшее развитие страны проходило в рамках буржуазной стадии развития. Тем не менее, революция в целом имеет важное историческое значение. Она означала переломный момент российской истории от монархического государственного устройства к республиканскому.

Ключевые: слова. Русская революция, капитализм, аграрный строй, община, товарное производство, рабочий класс, советская власть.

Классификация JEL: A120, 1310, B1, B24, D63, 01.

M.I. Voeikov. GREAT RUSSIAN REVOLUTION: THE ECONOMIC DIMENSION

Annotation. The report examines the political and economic problems of interpretation of the Great Russian Revolution. It is proved that it is in general carried the bourgeois-democratic character, consisted of two stages: the February and October. There are no objective grounds for declaring the October Socialist Revolution was not, for capitalism in Russia in the early twentieth century has just started to develop. Further development of the country was held in the framework of bourgeois development. However, the revolution as a whole is of great historical significance. It signified a turning point in Russian history from the monarchical to the republican polity.

Keywords: The Russian revolution, capitalism, agrarian system, the community, commodity production, the working class, the Soviet authorities.

JEL Classification: A120, 1310, B1, B24, D63, 01.

© Воейков М.И., 2017

© Институт экономики РАН, 2017

© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Методологические проблемы исследования характера революции.....	4
Глава II. Объективность революции.....	11
Глава III. Проблема генезиса капитализма.....	17
Глава IV. Степень развития капитализма.....	27
Глава V. Русская революция: одна или две?	34
Глава VI. Буржуазность революции.....	43
Заключение.....	51
Литература.....	53

Методологические проблемы исследования характера революции

Вокруг Великой российской революции 1917 г., столетие которой мы переживаем в этом году, до сих пор ведутся ожесточенные споры. И это понятно, ибо Великая российская (или Русская) революция, как бы к ней ни относиться, означает существенный перелом в общественном развитии России от монархического, по сути дела феодального, устройства к республиканскому.

О Русской революции 1917 г. написаны горы книг. Казалось бы, все должно быть ясно. И такая ясность вроде была у подавляющего числа советских читателей до 1991 г. Нас учили, и мы считали, что в феврале 1917 г. произошла буржуазно-демократическая революция, а в октябре того же года — социалистическая, после которой началось и осуществилось строительство социалистического общества в нашей стране. И это все происходило в соответствии с объективными законами социально-экономического развития. Все было правильно и научно обосновано. Так нас учили, и так мы думали.

Но после 1991 г. стали появляться и все больше доминировать (правда, в очень узком кругу так называемой «творческой интеллигенции») взгляды на Великую Октябрьскую революцию (или октябрьский этап русской революции) как на ошибку, как навязанную России плохую альтернативу, как, наконец, злостную выходку плохих людей (большевиков), которые замутили голову русскому народу и повели Россию не в ту сторону. Как пример, можно привести высказывание такого, претендующего на некую респектабельную объективность, писателя от социологии, как Мартина Малия, который в самом начале своей книги пишет следующее, имея в виду Октябрьскую революцию: «Советская социалистическая революция была великой утопической авантюрой современности»¹. В этой фразе автор умудрился сделать четыре смысловые

---

1. Малия М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. С. 9.

ошибки, вероятно, совершенно не понимая этого. 1-я: революция не может быть утопической, если она реально совершилась, — это не утопия, а реальность. 2-я: по той же причине революция не может быть авантюрой; авантюра — это неудавшийся переворот, путч. 3-я: термин «советская» совершенно не сочетается с Октябрьской революцией 1917 г., ибо советская система появилась после февраля 1917 г. в лице советов рабочих и солдатских депутатов, а после Гражданской войны этот термин превратился в эвфемизм. И наконец, 4-я ошибка состоит в бездумном повторении сталинской формулы о социалистической революции. Разъяснению последнего обстоятельства, впрочем, посвящен весь нижеследующий текст.

Так что же было на самом деле в 1917 г., что же было в России все 74 года, от чего действительно отвернулся народ, что мы имеем сегодня, и что же нас ждет завтра? Все эти и подобные им «проклятые вопросы» каждый день задает себе и другим каждый мыслящий россиянин, и не только житель России, но всех других республик бывшего СССР. Ведь, как заметил Ф. Бродель, «понять вчерашний и понять сегодняшний день — это одна и та же операция»². Таким образом, изучить российское общество начала XX в. означает понять и современное российское общество начала XXI в. И ключевым моментом этого изучения является проблема Русской революции.

Интересуют эти проблемы и западного читателя. Но в отличие от России на Западе давно сформировалось несколько течений или позиций объяснения Русской революции и русского феномена. И надо сказать, что с падением «государственного социализма» в СССР западные дискуссии о природе и характере Русской революции и советского общества не только не угасли, а, наоборот, стали интенсивней и острее³. Стало интересней. Тем более, что теперь в этих дискуссиях могут принять посильное участие и российские исследователи, которые знают «государственный социализм», так сказать, изнутри.

2. Бродель Ф. Материальная цивилизация и капитализм. Т. 2. Игры обмена. М., 2006. С. 229.

3. Укажем лишь на две научные конференции, посвященные 80-летию Октябрьской революции и прошедшие в Германии и Франции в 1997 г., результаты которых отражены в следующих изданиях: Bergmann Th. (ed.). Der Widerschein der Russischen Revolution. Ein Kritischer Ruckblick auf 1917 und die Folgen. - Hamburg: VSA-Verlag, 1997; Drweski B. (ed.) Octobre 1917: Causes, impact, prolongements. - Paris: Presses Universitaires de France, 1999.

Изучение и объяснение всех этих вопросов — огромная работа, посильная, наверно, поколениям исследователей. И не только историков. Важная роль в этой работе должна принадлежать политэкономическому анализу. К сожалению, политическая экономия сегодня в России как-то заглохла. Однако думается, отсутствие именно политэкономического подхода в анализе социально-экономической действительности не дает возможности сформулировать четкие и ясные направления развития российского общества, выхода его из так затянувшегося кризиса.

Исторический материализм (или, что то же, — марксистская тенденция исторической социологии) не смог восполнить этот пробел, по крайней мере, по двум причинам. Первая — то, что он был сам чрезвычайно слаб, зажат в тисках тоталитарной идеологии, выхолощен в искусственную конструкцию «марксизма-ленинизма». Вторая — то, что он все-таки имеет другой предмет исследования, он не обязан вскрывать экономическую сущность определенного исторического явления, выявлять экономические закономерности и, главное, отвечать на вопрос, кому, в конечном счете, экономически выгодно то или иное историческое событие. Конечно, некоторые научные сочинения из области исторической социологии могут ответить и на этот вопрос, но это по сути дела будет означать, что они перекрывают историческую политэкономия. Такое часто случается, когда одна ветвь социальной науки отстает в своем развитии, заторможена. Другая или другие, наоборот, развиваются быстрее или мощнее и начинают, как говорится, пасти на соседних полях. Но в нашем случае не было ни того, ни другого. В отличие от исторического материализма политэкономический подход есть осмысливание и объяснение определенных экономических явлений и процессов с точки зрения политических интересов как всего народа, так и отдельных его слоев и классов. Именно это дает понимание объективных закономерностей экономического и социального развития общества. Нам сегодня очень не хватает именно политэкономического самопонимания, самосознания России.

Советские политэкономы не решались заниматься историческими сюжетами, отдав последние исключительно на откуп профессиональным историкам. Это, конечно, не должно означать переноса преподавания политической экономии на исторический

факультет или сведение всего экономического процесса к историческим особенностям той или иной страны, как это делала историческая школа политэкономии в Германии. Если политическая экономия изучает объективные законы материального производства и экономические отношения, складывающиеся в этом процессе, то историческая политическая экономия выявляет и объясняет исторические особенности действия этих экономических законов и отношений. В советский период именно этот аспект политико-экономических сочинений совершенно отсутствовал.

Таким образом, к сегодняшнему дню у нас нет определенного развития политэкономического анализа отечественного исторического опыта. А без этого Россия попросту рискует превратиться в полуколониальную страну, даже не понимая этого. Сегодня, к сожалению, отсутствует не только политико-экономическое понимание собственного исторического опыта, но даже понимание этого непонимания. Будем надеяться, что этот период не продлится долго.

Итак, за советский период не было ни одного политэкономического сочинения (или социологического), исследующего революционные события 1917 г. в России. Все обществоведы довольствовались концепцией «Краткого курса истории ВКП(б)». В этой книге, в частности, говорилось по интересующему нас вопросу: «Возглавляемый партией большевиков, рабочий класс, в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке солдат и матросов, свержает власть буржуазии, устанавливает власть Советов, учреждает новый тип государства — социалистическое советское государство... и создает, таким образом, условия для развертывания социалистического строительства. Октябрьская социалистическая революция разбила капитализм, отняла у буржуазии средства производства и превратила фабрики, заводы, землю, железные дороги, банки — в собственность всего народа, в общественную собственность»⁴. Эти чеканные слова до сих пор греют душу многих людей как привычное и простое объяснение. Но в этих словах много и нелепостей. Например, железные дороги и до 1917 г. не принадлежали буржуазии. Но главное неясно, какой капитализм «разбила» Октябрьская революция, какое «социалистическое» государство она создает, почему «власть

---

4. История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 214.

Советов» появилась только в октябре, а не в феврале 1917 г., и т. п. В общем, эти слова мало соответствовали реальной действительности, научного понимания жизненных процессов эта книга не давала. Но странное дело, эта формула из Краткого курса «Истории ВКП(б)» прочно сидит во многих головах, наполненных прямо противоположными взглядами.

Анализируя теоретический материал тех лет, следует избегать двух крайностей, которые почему-то очень привлекательны и очень легкодоступны. Крайности идеализма и эмпиризма. Первая — крайность идеализма, когда вольно или невольно полагают, что идеи творят мир. Это то, что, например, большевики, вооруженные с ног до головы передовым учением марксизма, способны были построить новое общество в любых материальных условиях так, как им хочется или, точнее, как они поняли это передовое учение. На самом деле все было намного сложнее.

Другая крайность состоит в том, что уповают на стихийное саморазвитие общества. Мол, все учения плохи, а надо жить и развиваться в соответствии с объективными требованиями природы. Эта крайняя форма либерализма, которая низводит общество до почти скотского состояния. К сожалению, российских интеллектуалов беспрестанно мотает от одной крайности к другой, и трудно удержаться где-то в разумных границах. Поэтому, говоря о теориях и концепциях, всегда следует иметь в виду, что дельные теории есть лишь отражение в гениальных головах частичной объективной реальности.

Некоторые авторы часто, не понимая диалектической двойственности марксизма, иронизируют по поводу марксистского положения о формировании социалистического общества, что должно совершиться как объективно необходимый исторический процесс в сочетании с активизацией субъективного фактора, т.е. развития социалистического движения и социалистической революции. Но эти авторы забывают, что человеческая история развивается не как трава сама по себе, а через людей и посредством действий людей. Люди могут действовать менее сознательно или более сознательно, менее организованно или более организованно. С развитием общества степень организованности и сознательности в человеческом действии заметно возрастает, социалистическая стадия истории как раз будет

характеризоваться наибольшей сознательностью и организованностью. Человеческое сознание в накопленном виде и выражается в социальной науке, в теоретических концепциях и гипотезах.

Согласно концепции классического марксизма, новый общественный строй может появиться лишь тогда, когда для него созреют необходимые материальные предпосылки. Теория лишь помогает правильно понять эти предпосылки и наметить пути ближайшего развития общества. Теория как бы луч фонаря, освещающего путь человечества. Марксистская теория непременно условием ставит наличие фонаря у просвещенного, цивилизованного человека, в противном случае путь будет бессмысленным. Вместе с тем, при всей важности общей теории вопрос также заключается в том, как и кем эта теория трактуется, преломляется и приспособляется для решения конкретных задач.

Итак, в Русской революции получила подтверждение концепция марксизма, российской социал-демократии в целом, включая большевиков и меньшевиков. Однако в результате революции у власти оказались большевики во главе с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким. Это, казалось бы, должно свидетельствовать, что концепция большевиков оказалась более жизненной, чем меньшевиков, и более правильной. Но вот с этого места начинаются проблемы и загадки. Если концепция революции большевиков (прежде всего Ленина и Троцкого) была более верная, то почему столь трагична судьба их двух самых выдающихся лидеров?

Более того, если большевистская концепция русской революции как социалистической революции была, скажем, более верной, чем меньшевистская, а для такого утверждения есть много оснований, ибо победили большевики, а не меньшевики, то почему сегодня, после развала СССР, ни один образованный и думающий исследователь в мире не может назвать общественный строй, который существовал в СССР, социалистическим в полном смысле этого слова, без каких-либо эпитетов или оговорок? Многие исследователи прямо говорят и пишут, как это делал, например, Л.И. Абалкин, что «социализма мы не построили и в условиях социалистического общества не жили»⁵.

---

5. Абалкин Л.И. Социализма мы не построили // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор / Под ред. М.И. Воейкова. – СПб: Алетейя, 2011. С. 22.

В этом, я думаю, заключается одна из крупнейших теоретических загадок нашей истории, без прояснения которой невозможно толком понять ни «государственный социализм», существовавший в бывшем СССР, ни сегодняшние российские пертурбации, ни даже пути развития мировой цивилизации.

Последнее можно проиллюстрировать следующим соображением. Если считать, что в СССР существовал не социализм, в марксистском его понимании, как это утверждалось официальной советской пропагандой, а некий квазисоциализм (государственный, бюрократический, мутантный и т.д.), то это означает, что в 1991 г. вместе с развалом СССР развалился, собственно, не марксистский социализм, а сталинизм, сталинское извращение социализма. Это, следовательно, означает, что развал СССР есть удар не по марксизму и теории социализма, а по лжесоциализму.

Объективность революции

Более 70-ти лет в России существовал так называемый «государственный социализм» со всеми его плюсами и минусами. И основные корни его, несомненно, лежат в 1917 г., в характере самой Русской революции. Конечно, следует оставить за скобками рассмотрения утверждения того рода, что революция в России была искусственно навязана русскому народу, что это была беда для России, что революция увела страну куда-то в сторону от мировой цивилизации. Все эти рассуждения просто невежественный вздор мещански настроенных писателей, или, того хуже, прямая ложь в угоду тем, кто платит большие деньги за такого рода сочинения. Конечно, ни один серьезный исследователь любого политического толка в любой стране мира так не считает. Вот что, например, пишет на этот счет весьма уважаемый за океанский историк Ричард Пайпс, который сам себя аттестует «октябристом»: «Решения, принятые Николаем в августе 1915 года, сделали революцию практически неотвратимой». И несколько дальше: «К концу 1916 года оппозиционные настроения охватили и высшие военные круги, и высшую бюрократию, и даже великих князей, которые решили, как говорилось, «спасти монархию от монарха». Россия еще не знала такого единения, а двор — такой изоляции. И революция 1917 года стала неизбежной...»⁶.

Революция и революции не могут быть кем-то придуманными действиями, не могут быть искусственно вызваны или организованы даже самыми сильными личностями и самыми организованными партиями. Революции — это спонтанный и закономерный этап естественного процесса исторического развития. Этап, к сожалению, малопривлекательный и мало благопристойный, но объективно неизбежный. Князь П.А. Кропоткин как-то сказал о русской революции 1917 г.: «Пережитая нами революция есть итог не усилий

---

6. Пайпс Р. Русская революция. Часть 1. М., 1994. С. 257, 277.

отдельных личностей, а явление стихийное — не зависящее от человеческой воли, а такое же природное явление, как тайфун, набегающий на берега Восточной Азии... Все мы — я в том числе — подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествующие революции 1789, 1848, 1871 годов, все писания якобинцев, социалистов, политиканов, все успехи науки, промышленности, искусства и т. д.»⁷. Отметим здесь лишь одну тонкость. Революции, как правильно замечает П. Кропоткин, не зависят от человеческой воли, но совершаются через человеческие действия, посредством воли. Вот эту объективную вынужденность посредством субъективной формы некоторые наблюдатели не могут различать, отчего возникает серьезная путаница и часто форма принимается за содержание. Умные наблюдатели думают иначе. Приведу лишь слова Н.А. Бердяева, который как бы специально отвечает многим наплодившимся сегодня недоброжелателям русской революции и русской общественной мысли: «Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана каким-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой»⁸. С этими словами, сказанными великим русским философом в конце жизни, можно лишь солидаризироваться. В общем, хорошо сказал один западный исследователь: «Всякая революция порождается врагами революции»⁹.

Вместе с тем надо бы, наверное, ответить на вопрос, который сегодня много муссируется среди некоторой части интеллигенции, что было бы с Россией, если бы не произошла или не удалась Русская революция. Этот вопрос по существу своему бессмысленный, ибо история не знает сослагательного наклонения. Но и на этот пустой вопрос ответить можно.

---

7. Кропоткин П.А. Что же делать? В сб.: Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 1992. С. 196.

8. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: КНИГА, 1991. С. 226.

9. Фишер Л. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 77. Умных свидетельств об объективном характере русской революции множество. Вот Ф. Степун, противник большевизма, пишет так: «Философия Бердяева и искусство Белого были своеобразным «небесным прологом» столь же великой, как и страшной русской революции». (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 222).

Так вот, я думаю, что если бы в России в 1917 г. не совершилась революция, и особенно ее октябрьский этап, то страна сегодня была бы похожа на Индию. То есть Россия осталась бы слабо развитой страной полукOLONиального типа с некоторым развитием крупной промышленности, с некоторыми элементами утонченной культуры узкого слоя населения, с глубокими корнями народной духовности, но и с малограмотной и нищей подавляющей массой населения. Так, известный английский историк И. Дойчер делает такой вывод: «В эпоху последних Романовых великая империя была наполовину колонией. В руках западных держателей акций находилось 90% шахт России, 50% предприятий химической промышленности, свыше 40% металлургических и машиностроительных предприятий и 42% банковского капитала»¹⁰. Примерно эти же цифры приводит и известный советский историк народного хозяйства П.И. Лященко. Иностраный капитал, непосредственно вложенный в отдельные отрасли, составлял к 1916–1917 гг.: горное дело — 91%; металлообработка — 42%; текстильная промышленность — 28%; химическая — 50%; деревообработка — 37%¹¹. Современный исследователь этих проблем называет долю иностранного капитала в основном капитале ведущих коммерческих банков России на 1 января 1917 г. в 47%. К 1913 г. иностранцы контролировали 60–70% капитала России, а к сентябрю 1917 г. — 90–95%¹². В 1914 г. внешний долг царской России, указывает Б.А. Хейфец, в 2,3 раза превышал внешний долг Индии и в 2,6 раза — Японии. «По размерам внешнего долга Россия была первой в мире»¹³. Ясно, что Россия в таком раскладе не могла бы и мечтать о месте второй сверхдержавы в мире.

Далее, научная постановка такого вопроса требует прежде всего доказательства, что Россия в случае неудачи Октябрьской революции смогла бы сохраниться как единая и великая страна. Писатель Лев Разгон приводит любопытное свидетельство на этот счет царского адмирала Рошаковского, с которым он вместе сидел

10. Дойчер И. Незавершенная революция. М., 1991. С. 170.

11. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956. С. 380. Разгон Л.Э. Непридуманное: повесть в рассказах. М., 1989. С. 84.

12. Арин О. Царская Россия: мифы и реальность (конец XIX — начало XX веков). М., 1999. С. 25.

13. Хейфец Б.А. Кредитная история России. Характеристика суверенного заемщика. М.: Экономика, 2003. С. 25.

некоторое время в Бутырской тюрьме. Так вот, этот монархист, друг императорской семьи Романовых, признавал, что победа белого движения означала бы полное крушение России как суверенного и великого государства. «Победа белогвардейцев означает, что Россия станет на десятки, если не сотни лет фактической колонией иностранцев. Что за победу в гражданской войне бывшие правящие классы заплатят страшной ценой расчленения империи и полной потерей независимости. И что в России есть лишь одна сила, способная сохранить единую и неделимую Россию — большевики»¹⁴. Таково было мнение монархиста, странным образом частично осуществившееся в 1991 г. Однако это уже другой вопрос и другая тема.

Конечно, концепцию Русской революции не следует понимать упрощенно, как какой-то план революции, который имелся в голове Ленина, Троцкого или еще кого-либо. Под концепцией я понимаю общее представление о революции, ее объективных основах и предпосылках, движущих силах, ее характере, а также и результатах. Почти все это вытекало из известных положений марксизма, крупнейшими европейскими представителями которого были и Ленин, и Троцкий. Однако далеко не все в Русской революции укладывалось в ортодоксальную марксистскую схему, совпадало с теоретическими представлениями Ленина и Троцкого, и тем более с их индивидуальными усилиями. В конце 1920 г., размышляя в Лондоне над итогами Русской революции, П.Н. Милюков заметил: «Приходится, вообще, внести некоторую поправку в наше представление о пределах возможности для индивидуальной человеческой воли управлять такими массовыми явлениями, как народная революция»¹⁵. Это-то и порождает многие трудности в научной интерпретации революции, в частности определения ее характера.

И, наконец, еще одно пояснение. Обычно в отечественной литературе особенно советского периода, называют две революции: Февральскую буржуазно-демократическую и Октябрьскую социалистическую. Весь дальнейший текст ставит под сомнение такой подход. Эти этапы можно различать хронологически и исторически, но политэкономически они сливаются в один процесс. Это была

---

14. Разгон Л.Э. Непридуманное: повесть в рассказах. М., 1989. С. 84.

15. Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 12.

одна Великая российская революция с двумя этапами 1917 г., и заключительный ее этап приходится на 1920 г. окончания Гражданской войны. Такое разделение революции на две с противоположными характеристиками не выдерживает критики ни с теоретической, ни с эмпирической стороны. Теоретически, совершенно ясно, что за 8 месяцев между февралем и октябрём не мог капитализм в России так развиваться, чтобы создать необходимые экономические предпосылки для социализма. Изучая же революцию эмпирически, понятно, что это была одна революция, но с двумя этапами. Сами участники и свидетели революции не превращали эти два этапа в принципиально различные революции. «Вся суть в том, — писал Л. Троцкий, — что Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции»¹⁶. Это очень любопытная оговорка одного из ведущих деятелей большевистского руководства. Если Октябрьскую революцию трактовать как социалистическую, значит, и Февральская, коли она только оболочка, в существе своем была социалистической революцией. Но тогда где же и когда была буржуазная революция? Ведь не может же феодальное общество с фундаментом «первобытно-коммунистического характера» (по словам Ф. Энгельса) сразу перескочить к социалистической революции, пропустив буржуазную стадию развития.

Сами участники и свидетели революции не превращали эти два этапа в принципиально различные революции. Традиция трактовать Февраль и Октябрь 1917 г. как одну Русскую революцию довольно давно утвердилась в зарубежной исследовательской литературе¹⁷. В самое последнее время положение о единой Русской революции с двумя ее этапами все шире пробивает себе дорогу и в отечественной литературе¹⁸.

Отказ от деления Русской революции 1917 г. на февральскую и октябрьскую, как на две самостоятельные революции, ведет к необходимости переосмысления утвердившихся схем их харак-

16. *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 24.

17. См.: Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 229.

18. См., например: Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945) / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1996. С. 7; а также материалы дискуссий: Октябрь 1917: смысл и значение. Материалы круглого стола в Горбачев-Фонде 30 октября 1997 г. М., 1998; 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; *Пантин И.К.* Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика. М: Летний сад, 2015; и др.

тера. Если мы имеем одну революцию, то, стало быть, и характер (сущность) ее также один. В этой связи есть и другой вопрос. Если февральская революция была буржуазной, а с этим почти все согласны, то произошла она по общему правилу в начале становления капитализма, а не в конце. Значит, появляется проблема становления капитализма в России: был ли он и когда?

Проблема генезиса капитализма

Известно, что формации в один год не образуются, это длительный процесс, занимающий столетия. Более того, капитализм после крестьянской реформы 1861 г. далеко не занял господствующего положения даже в промышленном секторе страны. По имеющимся данным К.А. Пажитнова, к 1861 г. из общего числа 862 тыс. рабочих крупной промышленности, включая горнозаводскую, 44% были крепостными¹⁹. Если почти половина рабочих крупной промышленности в канун крестьянской реформы фактически были крепостными, то освобождение от крепостной зависимости не превратило их на второй день в рабочий класс. Более того, последствия реформы не могли не сказаться на снижении промышленного производства. Как писал М.И. Туган-Барановский, такой рабочий «совершенно отвык от свободной деятельности и первое время после освобождения совсем потерял голову»²⁰. Можно вполне утверждать, что всю вторую половину XIX в. экономические отношения даже в промышленности характеризовались полукрепостническим состоянием. Причем, как верно замечает историк А.М. Анфимов, «полукрепостнические отношения не следует понимать как равнозначные «полубуржуазным». Это те же крепостнические отношения, правда, модифицированные капитализмом...»²¹. Значит, период после Великой реформы 1861 г. ушел на то, чтобы сделать рабочих из крепостных действительными рабочими, продающими свою рабочую силу на свободном рынке труда.

Некоторые советские историки, правда, очень немногие, хорошо показали, что даже на промышленных предприятиях Урала к началу XX в. сохранялись некапиталистические уклады.

-
19. Пажитнов К.А. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности. «Исторические записки», 1940, вып. 7.
20. Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1997. С. 315.
21. Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. «Исторические записки». Т. 65. М., 1959. С. 121.

Так, В.В. Адамов утверждал, что в этот период вся российская промышленность была многоукладна. Он приводит мнение комиссии Д.И. Менделеева, посетившей Урал в 1898 г., о большой степени натурализации в промышленности Урала: «Почти повсеместное господство старого дореформенного принципа “иметь” все свое от рабочего до последнего гвоздя»²². В.В. Адамов также отмечал, что лишь в конце XIX — начале XX веков в прессе и литературе был поднят вопрос «о путях и средствах ликвидации крепостнических порядков и реорганизации промышленности Урала на капиталистических началах»²³. А надо сказать, что в начале XX в. Урал продолжал концентрировать существенную долю национального промышленного производства. Так, в 1910 г. из 173 действующих железодельных предприятий страны 94 (или 54%) размещались на Урале²⁴. То есть, более половины промышленных предприятий основного индустриального ядра (металлургия) даже в начале XX в. не было охвачено капиталистическими отношениями в точном и полном смысле этого слова.

У некоторых отечественных историков также можно обнаружить аналогичную позицию, но, что называется, читая между строк. Так, М.Я. Гефтер, анализируя дискуссию 1929 г. о финансовом капитале в России, отмечал, что в той дискуссии выяснялась внутренняя почва для появления «перезрелого капитализма» в стране, где, как пишет Гефтер, и что можно принять за его позицию, «еще не сложились окончательно или даже отсутствовали многие из основных условий для капитализма свободной конкуренции»²⁵. В Предисловии к этой книге 1972 г., изданной в Свердловске, В.В. Адамов также отмечал, что «крупный капитал в России, хотя и обладал массой привилегий, все же не сложился в силу, способную преобразовать весь ее строй. Экономика страны до самой революции носила переходный характер»²⁶. Вот, если внимательно читать

---

22. Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала. В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 250.

23. Там же. С. 252.

24. Статистический ежегодник на 1912 год / Под ред. В.И. Шараго. СПб, 1912. С. 158.

25. Гефтер М.Я. Многоукладность — характеристика целого. В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 85.

26. Там же. С. 11.

тексты некоторых советских историков, можно почерпнуть много поучительного. Однако такая позиция была очень редким исключением, к тому же глубоко запрятанной в гушу общепринятых стандартных положений и фраз.

Известный французский историк Н. Верт по этому вопросу пишет даже так: «Часто, вопреки собственным исследованиям, советские историки настойчиво утверждают, что отмена крепостного права, которую они называют «буржуазной реформой», вызвала ускоренное развитие капитализма в деревне. Тем самым они лишь повторяют тезис Ленина, выдвинутый им в 1900 г. в работе «Развитие капитализма в России». В действительности же, если принять во внимание те условия, при которых было уничтожено крепостное право, его отмена вовсе не способствовала развитию капитализма, а скорее укрепляла архаичные, можно сказать, феодальные, экономические структуры»²⁷. Однако последнее утверждение французского историка, что отмена крепостного права укрепляла архаические феодальные структуры, думается, малообоснованно. Все-таки она их расшатывала. Но суть дела автор уловил верно: 1861 г. еще не дал и не мог дать капитализма как господствующую форму производства в стране, хотя и открыл некоторую возможность такого развития.

В последнее время и среди отечественных исследователей начинают появляться реалистические взгляды на процесс генезиса капитализма в России. Так, Е.Г. Плимак и И.К. Пантин совершенно справедливо пишут, что хотя после реформы 1861 г. «была приоткрыта дверь буржуазному прогрессу», но царизму так и «не удалось превратить процесс внедрения и роста «верхушек» капитализма в фактор, преобразующий всю систему общественных отношений». И даже в результате реформ Витте—Столыпина, верно считают эти авторы, капиталистические отношения «оказались неспособными охватить все народное хозяйство»²⁸. Это действительно реалистический и современный взгляд на вещи.

27. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 13.

28. Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000. С. 19, 20; см. также статью: Гусейнов Р.М. Капитализма в России не было даже в период «капитализма» // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.

Прежде всего, заметим, что нельзя распространять господство (подчеркнем, не развитие, а именно господство) капиталистического строя в России конца XIX в., не объяснив, куда девалась община. Более 80% населения страны в начале XX в. составляло сельское население, и все, или почти все, это население было охвачено общинными и натуральными производственными отношениями. По имеющимся данным историков, 83,2% крестьянской земли в Европейской России в 1905 г. было в общинном пользовании²⁹. И как считают современные историки, «хотя община в 20-е годы формально не представляла, как до революции, административную единицу, фактически оставалась в системе государственного устройства»³⁰. В этих условиях не было свободного товарного оборота земли и не было свободного рынка труда. Более того, как отмечают специалисты по аграрному вопросу России в конце XIX в., несмотря на усиление процесса замены отработочной ренты на денежную, что могло бы свидетельствовать о проникновении товарных отношений вглубь сельскохозяйственного производства, эта замена была лишь номинальной.

Столыпинские реформы начали процесс капитализации деревни, но и он не был последователен и закончен. И, по общему мнению специалистов, эти реформы потерпели поражение. Тот же А. Анфимов на основе тщательного и детального анализа делает такой вывод: «Официальные государственные акты позволяют высказать утверждение, что столыпинский вариант земельной реформы в России потерпел крушение еще при жизни Столыпина»³¹. Другой крупный отечественный историк, И.Д. Ковальченко, который, заметим, по вопросу капитализации аграрной сферы придерживался противоположной позиции, чем Анфимов, тем не менее, после тщательного анализа всех современных «мифов и реальностей» столыпинской реформы делает тот же самый вывод: «Проведенный

---

29. Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 100.

30. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX в. В сб.: Кооперация. Страницы истории. Вып. 6. М., 1997. С. 86–87. Современный японский историк Юзури Таниуги также отмечает, что русская община пережила октябрьскую революцию и стала «преобладающей формой землепользования у крестьян» весь период нэпа. (Таниуги Ю. К истории коллективизации сельского хозяйства в СССР: государство и община. В кн.: Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 368).

31. Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 133.

анализ показывает, что столыпинская аграрная реформа по сути провалилась еще до Первой мировой войны»³². В этой связи следует признать ничем не обоснованным и крайне устаревшим мнение некоторых историков (как старых, так и новых), что «на основе столыпинской реформы ликвидируется поземельная община», высказанное еще в 1951 г. академиком Н.М. Дружининым. Это искусственно притянутое мнение, как и многие другие такого же рода, высказывалось лишь с одной целью — показать или провозгласить (ибо доказать это было невозможно) высокую степень развития капиталистических отношений в России в начале XX в. В двусмысленное положение попадают некоторые современные исследователи, которые, с одной стороны, в угоду идеологической ангажированности стремятся оправдать и похвалить столыпинские реформы, а с другой стороны, стремятся сохранить научную объективность.

Итак, основное население страны жило в деревне и занималось сельским хозяйством, несмотря на бурное развитие промышленности. Некоторые историки упорно настаивают на утверждении, что и в аграрной сфере происходило интенсивное развитие капиталистических отношений. Действительно, такое развитие имело место. Однако показатели товарности крестьянского сельскохозяйственного производства свидетельствуют о преобладании натуральной формы производства. Так, известные историки-экономисты Н.Д. Кондратьев и П.И. Лященко дают примерно равный процент товарности сельскохозяйственной продукции в первом десятилетии XX в.: 33,3% (Н. Кондратьев)³³ и 26,0% (П. Лященко). Причем последний отмечает при этом, что середняки и бедняки, производя половину всего хлеба, давали его товарность лишь 14,7%³⁴. Иными словами, несколько более 85% производства подавляющего большинства населения страны оказывалось натуральным. Анализ итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. позволил А.Н. Литошенко сделать вывод, что «в Европейской России капиталистически организованные хозяйства занимали не более

---

32. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М.: РОССПЭН, 2004. С. 485.

33. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 101.

34. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956. С. 279.

10% общей посевной площади»³⁵. Это резко контрастирует с бездоказательными утверждениями многих историков советской поры, что к середине XIX века у нас существовало крестьянское хозяйство, «которое уже в значительной мере втянулось в товарное производство»³⁶.

Таким образом, дореволюционная русская деревня, объединяющая абсолютное большинство населения страны и тем самым доминирующая во всех сферах русской жизни, была опутана не капиталистическими, а еще феодальными отношениями. И сегодня совершенно справедлив вывод П.И. Лященко, сделанный им еще более полувека назад: «Гвоздём аграрных отношений и через 40 лет после реформы, так же, как и в 1861 г., оставалась борьба крестьянства против помещичьих латифундий»³⁷. Выводы серьезных отечественных ученых подтверждаются и работами зарубежных исследователей. Так, немецкий историк К. Функен пишет, что вплоть до октября 1917 г. «отношения в деревне остаются в переходной стадии, где чисто феодальная и полуфеодальная эксплуатация смешивается с мелкобуржуазным и капиталистическим аграрным производством, а сама Россия после пятидесяти лет «политики реформ» все еще была системой, смешанной из феодальных и капиталистических элементов»³⁸.

Таким образом, говорить о сильном проникновении капитализма в аграрный сектор дореволюционной России просто не приходится. Главная проблема в аграрной сфере состояла в малоземелье подавляющего числа крестьянских семей. То количество земли, которым владели крестьяне, не могло обеспечить их выживаемость. По имеющимся данным, в центральных губерниях России на крестьянский двор приходилось в среднем 7–8 десятин земли (1 десятина = 1,09 га)³⁹. Тогда как для нормального воспроизводства крестьянского хозяйства нужно было в 2 раза больше, т.е. 14–15 десятин. Необходимость перераспределения земли, в первую очередь

35. Литошенко А.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 102.

36. См.: Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1969. С. 338.

37. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956. С. 88.

38. См.: Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С.179.

39. См.: Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 132.

помещичьей, и составляла основную материальную предпосылку Русской революции.

Если исходить из формулы, что капитализм в стране к началу XX в. был достаточно развит, то, видимо, преобладающим классом уже был рабочий класс. Важным представляется выяснение вопроса о численности рабочего класса (пролетариата) в начале XX в. в России. В России же к 1917 г. существенно, ошутимо преобладало крестьянство. Этот факт никто не подвергает сомнению.

Реальную структуру трудящегося населения России в предреволюционную пору дает А.Г. Рашин⁴⁰. По его данным, получается в 1913 г.: промышленных рабочих и служащих — 7 850 тыс., занятых на транспорте и связи — 1 400 тыс., сельскохозяйственных рабочих — 4 500 тыс., чернорабочих и поденщиков — 1 100 тыс., рабочих, учеников и служащих в торговле, гостиницах, ресторанах — 865 тыс., разнообразной прислуги — 2 100 тыс. В целом получается 17 815 тыс. человек, или, если принять все население России в 1913 г. в 159,2 млн человек, то все трудящиеся массы (кроме предпринимателей, хозяев и крестьян в том числе) составят немногим более 11% населения страны.

В этих исчислениях А. Рашина, которые, можно сказать, стали классическими и широко воспроизводятся многими исследователями, есть тем не менее серьезные изъяны. Так, А. Рашин указывает, что только рабочих промышленных предприятий страны в 1913 г. насчитывалось 2 120, 8 тыс. человек⁴¹, что составляло примерно 1,3% общей численности населения страны. Но это, по Рашину, касается только численности рабочих промышленности. Затем весьма сомнительно относить к пролетариату разнообразную прислугу в количестве 2 100 тыс. Так же и сельскохозяйственные рабочие (4 500 тыс.), это все-таки больше крестьяне. В российских условиях это те же крестьяне, которые в силу разных причин временно вынуждены работать по найму. Однако и у них есть свой крестьянский дом, свое хозяйство, крестьянская (в целом мелкобуржуазная), а не пролетарская идеология и психология. Таким образом, если даже очень грубо очистить данные Рашина от явных натяжек

---

40. Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М., 1958. С. 171.

41. Там же. С. 42.

(т.е. вычесть прислугу; учеников и служащих в торговле, гостиницах, ресторанах; сельскохозяйственных рабочих), но оставить в его перечне «служащих» во всех остальных разрядах, ибо не представляется возможным их статистически вычленишь, то получаем общий итог в 10 350 тыс. человек, или 6,5% от всего населения.

Таким образом, если брать только пролетариат, в узком его значении, которое является и наиболее точным, т.е. рабочих фабрично-заводской промышленности, то мы должны остановиться на 1917 г. на цифре где-то в 3 млн человек. Именно на эту цифру указывают многие другие авторы. Так, авторитетный советский статистик трудовых ресурсов Л.Е. Минц приводит таблицу, в которой на 1917 г. дается цифра в 2,9 млн человек фабрично-заводских рабочих⁴². Если к этой цифре добавить еще работников железнодорожного транспорта (т.е. рабочих и служащих вместе, ибо мы не располагаем отдельной статистикой по данному разряду) в размере 520 тыс. человек постоянно занятых, или даже 905 тыс. вместе с временными и поденными⁴³, то получим около 4 млн человек. Другой, весьма авторитетный специалист в области экономической истории П.А. Хромов приводит почти те же данные. По его мнению, в 1913 г. в крупной фабрично-заводской промышленности России было занято 3,1 млн рабочих. Некоторые советские статистические сборники дают примерно ту же цифру рабочих промышленности в 1913 г. — 3,5 млн или 3,9 млн человек⁴⁴. Если же учитывать численность «работников водного транспорта, рабочих коммунальных предприятий, предприятий военного ведомства и других», то П. Хромов дает общую численность пролетариата России в 1913 г. приблизительно в 4,5 млн человек⁴⁵. Другие авторы приводят примерно такие же данные⁴⁶.

42. Минц Л.Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975. С. 39.

43. Там же. С. 103.

44. В 1913 г. на территории СССР в границах до 17 сентября 1939 г. среднегодовая численность наемных рабочих составляла «около 3,5 млн человек» (Промышленность СССР: Стат. сб. М., 1957. С. 23). См. также: Народное хозяйство СССР в 1959 году. М., 1960. С. 139; Страна советов за 50 лет: Сборник стат. материалов. М., 1967. С. 52.

45. Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М., 1982. С. 152.

46. П. Лященко приводит цифру в 2,5 млн рабочих на 1 января 1915 г. (Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956. С. 650). В. Буддаков приводит данные, согласно которым в начале 1917 г. промышленных рабочих в России было 4,8 млн человек (См.: Октябрь 1917: величайшее

Итак, к пролетариату, собственно, можно отнести 3–5 млн человек на почти 160 млн населения страны в 1917 г. Другими словами, можно сказать, что пролетариата, в точном смысле этого слова (тем, кому, с одной стороны, действительно нечего терять, кроме «своих цепей», и, с другой стороны, не люмпенов, не деклассированных элементов), перед революцией 1917 г. в России было примерно 2–3% от всего населения страны. Правда, при данном подсчете не учитываются члены семьи, что увеличило бы приводимую цифру, как минимум, в 2–3 раза. Однако, нам представляется, что членов семьи, иждивенцев нельзя включать в общее число пролетариата (или шире – рабочего класса), ибо домашняя хозяйка, и тем более дети и старики, не являются носителями конституирующих признаков данного класса. Но даже если увеличить численность рабочих за счет взрослых членов семьи, то общий процент этого класса в любом случае не превысит 5–6% от всего населения страны.

К этому следует добавить, что даже этот ничтожный процент в большинстве своем охватывал рабочих, которые имели давние корни в деревне, далеко еще не оборвали свои связи с сельскохозяйственным производством, психологически были близки к мелкобуржуазной стратегии поведения, в целом разделяя буржуазные (точнее, мелкобуржуазные) идеологические стереотипы. В старой статистической литературе, а также и в новейшей исторической литературе этот вопрос, думается, прояснен уже основательно.

Таким образом, можно сделать вывод, что почти половина рабочих России в первой четверти XX в. стали таковыми лишь в первом поколении. Да и среди всех рабочих от 12 до 30% и более держали землю в целях сельскохозяйственного производства. Здесь уместно привести мнение крупного отечественного историка Л.В. Милова о силе инерции крестьянского хозяйства в среде промышленных рабочих: «Если участие в промышленном труде позволяет непосредственному производителю не отрываться от ведения крестьянского хозяйства, то он остается владельцем жизненных

событие века или социальная катастрофа? М.: Политиздат, 1991. С. 25). Известный американский историк М. Левин также считает, что пролетариат перед революцией насчитывал не более 3 млн промышленных рабочих (*Lewin M. Lenin's Last Struggle*. N.-Y., 1970. P. 5). Эти же 3 млн рабочих «в строгом смысле слова» приводит Н. Верт (*Верт Н. История советского государства. 1900–1991*. М., 1992. С. 17).

средств в их изначальной форме и обрабатывает в форме промышленного труда лишь свои феодальные повинности. Это классическая форма крепостного промышленного труда...»⁴⁷. Иными словами, до 30% промышленных рабочих в начале XX в. все еще не могли выбраться из пут феодальных отношений.

Современные исторические работы в целом подтверждают эти положения. Так, историк Д. Чураков приводит данные, согласно которым от 10 до 20% фабрично-заводских рабочих Московской губернии в начале XX в. уходило на летние работы в село. И, согласно данным статистики, большинство рабочих все еще принадлежало к крестьянству «по социальному положению».⁴⁸ Известный экономист начала века Н.А. Каблуков делает такой вывод: «Тогда как на Западе труд на фабриках составляет для рабочего единственный источник существования, у нас, за сравнительно небольшим исключением, рабочий считает труд на фабрике побочным занятием, его более тянет к земле»⁴⁹. Такой западный историк, как Р. Пайпс, в обычной своей манере перефразирования пишет даже так: «В начале XX века промышленные рабочие в России представляли собой, за небольшим исключением, не столько определенно выраженную социальную группу, сколько разновидность крестьянства»⁵⁰. Это, конечно, лишь частичная истина, но весьма характерная.

Таким образом, можно заключить, что в России к 1917 г. пролетариата было незначительное количество, и в существенной своей части он был или вчерашним крестьянином, или имел тесные связи с аграрным сектором экономики.

---

47. Милов Л.В. По следам ушедших эпох. Статьи и заметки. М.: Наука, 2006. С. 570.

48. Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М., 1998. С. 29, 30.

49. Цит по: Чураков Д.О. Цит. произв. С. 29–30.

50. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 120.

Степень развития капитализма

Рассмотрим теперь еще одну мифологему советского времени, которая почему-то стала популярна сегодня среди некоторых писателей. В советский период нужно было научно оправдать социалистический характер Октябрьской революции и дальнейшее строительство социализма в экономически и культурно очень отсталой стране. С научной точки зрения делать социалистическую революцию в по сути феодальной стране, толком не прошедшей этап капиталистического развития, было бы противоречиво. И российские интеллектуалы, начиная с А.И. Герцена, много сил и старания положили на доказательство, что объективные исторические законы для России не писаны. Так, Герцен еще в 1863 г. писал: «Почему же народ, самобытно развившийся, при совершенно других условиях, чем западные государства, с иными началами в быте, должен пережить европейские зады, и это — зная очень хорошо, к чему они ведут?»⁵¹ Герцен искал и предлагал иной путь развития, который миновал бы буржуазную стадию, и никак не мог сделать вывод об объективной неизбежности для России капиталистической стадии развития. Среди русской интеллигенции конца XIX в. весьма распространенной была вера, как писал Н.К. Михайловский в 1880 г., в «возможность непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства»⁵². Между прочим, эта вера в то, что стадию буржуазного развития можно проскочить или максимально сократить, прочно сидела в головах и душах многих советских обществоведов. Г.В. Плеханов достаточно метко и остроумно критиковал такого рода упражнения российских интеллектуалов, которые полагали, что объективные исторические законы для России не обязательны. «Подобно тому, — писал он, — как русский кре-

---

51. Герцен А.И. Концы и начала // А.И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах. Т. XVI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 198.

52. Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. С. 190.

стьянин не любит писаных законов и стремится обделать всякое дело по-своему, «по душе», русский интеллигентный человек боится законов исторических и апеллирует к самобытности, к «субъективному методу в социологии» и т.п., т.е. в сущности к той же «душе»⁵³. Пожалуй, лучше и сказать трудно.

Вопрос, таким образом, сводился к определению степени развитости капитализма в России к 1917 г. Логическое объяснение этого феномена с позиций советской историографии могло бы быть следующим. Февральская буржуазная революция сильно запоздала в силу исключительных особенностей российского капитализма, но высокая степень развития последнего предопределила быстрый переход к социалистической революции. Можно даже говорить о значительной растянутости буржуазной революции, начиная отсчет с крестьянской реформы 1861 г. Революцию 1905 г. можно принимать за кульминацию этого процесса и февраль 1917 г. как уже окончательное утверждение господства буржуазно-капиталистических отношений, приобретение ими соответствующей политической оболочки. Конечно, растянутость революции на 50–55 лет — довольно большой срок, но по историческим меркам и для условий России об этом можно как-то говорить. Все это, хотя и с трудом, можно объяснить, если исходить из гипотетического предположения, что российский капитализм к 1861 г. был уже достаточно развит и крестьянская реформа лишь юридически оформила существующие повсеместно буржуазные отношения, а к 1917 г. он не просто занимал господствующее положение, но и был даже изрядно перезрелым. В общем, надо было верить словам В.И. Ленина, что следствием крестьянской реформы 1861 г. явилась «смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом»⁵⁴. Таким образом, все упирается в доказательство степени развитости капитализма в России к началу XX в.

Оставим в стороне вообще фантастический взгляд, что Россия в начале XX в. представляла собой мощно развивающуюся экономическую систему, которая входила в число 5–7 ведущих стран капиталистического мира. Взгляд, который активно развивался в

---

53. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Г.В. Плеханов. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. I. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1956. С. 305.

54. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 71.

начале 1990-х годов, в основном, в публицистике, к науке никакого отношения не имеет⁵⁵. Этот взгляд был инспирирован конъюнктурным желанием ангажированных писателей того смутного времени подвести как бы научную базу, найти хоть какое-нибудь серьезное обоснование в защиту идеологической позиции ненужности, искусственности революции 1917 г. Мол, Россия и так прекрасно развивалась. Но этот взгляд полностью игнорирует все результаты многих социальных наук, полученные серьезными исследователями любой политической тенденции.

Многие историки и экономисты, когда рассуждают о развитии капитализма в России, не различают собственно капиталистическое развитие и экономический рост или экономическое развитие. Так, в обобщающем многотомном труде по истории экономики СССР читаем: «Об уровне развития капиталистической экономики России можно судить по следующим показателям: в 1913 г. по уровню промышленного производства Россия занимала пятое место в мире, по добыче нефти, вывозу древесины, производству пиломатериалов — второе, по выработке хлопчатобумажных тканей (суровых) — третье, по продукции машиностроения, по производству кокса и сахарного песка (из отечественного сырья) — четвертое, по производству чугуна, железной руды, цемента, выплавке стали — пятое, по добыче угля — шестое». И из всего этого делается такой вывод: «Развитие капитализма в России подготовило необходимые материальные предпосылки для социалистической революции и строительства нового общества»⁵⁶. Из более свежих сочинений можно привести такое мнение: «Рост промышленного производства, отвечавший в России почти исключительно потребностям внутреннего спроса, отражал степень капиталистической эволюции всего народного хозяйства. При этом абсолютные его размеры характеризовали масштаб передовой капиталистической сферы экономики страны, а показатели промышленного производства на душу населения указывали на глубину проникновения капитализ-

---

55. В мировой специальной литературе прочно утвердилось мнение, что Россия в 1913 г. была «беднейшим из цивилизованных государств» (*Эттон Э., Гэтрелл П.* Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза. В кн.: Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 34).

56. История социалистической экономики СССР. Т. 1. Советская экономика в 1917–1920 гг. М., 1976. С. 17.

ма в толщу производственных отношений, степень подчинения им всего народного хозяйства и распространения его на территорию страны»⁵⁷. Очень странная логика у этого историка. Если считать производство на душу населения, значит проникать «в толщу производственных отношений». Но ведь производственные отношения находятся отнюдь не в душе населения. Количественные показатели экономического роста не свидетельствуют о цели этого роста, и тем более не могут характеризовать социальную форму экономики. Эти показатели «на душу» в России резко отличались от европейского стандарта в меньшую сторону.

Развитие экономики России в рассматриваемый период действительно было значительным, но это еще не выводило страну в ряд высокоразвитых капиталистических стран. По среднедушевому доходу страна оставалась в разряде отсталых стран мира. Так, по данным известного американского исследователя П. Грегори, Россия в 1913 г. имела доход на душу населения, равнявшийся 50% немецкого и французского, 20% английского и 15% американского. К 1913 г., — продолжает анализ П. Грегори, — относительная позиция Российской империи ухудшилась из-за быстрого роста населения и сравнительно низких темпов роста объема производства между 1861 г. и 1880 г. И такой вывод делает ученый: «Относительная отсталость экономики России очевидна»⁵⁸. Имеющиеся данные свидетельствуют даже об увеличении отставания России от стран Запада. Так, если в 1830 г. российский ВВП на душу населения составлял 70% от среднеевропейского, то в 1913 г. он составил даже 60%⁵⁹. Экономическую отсталость России отмечали и некоторые советские историки. Так, И.Ф. Гиндин писал еще в 1970 г.: «С 1861 по 1890 г. по темпам роста фабрично-заводской и горной промышленности Россия опережала Францию и Англию, а в 1890—1913 гг. — Германию и даже США. Однако, в 1913 г. повысившийся удельный вес российской промышленности в совокупной промышленной продукции пяти указанных стран оставался незначитель-

57. Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 45.

58. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX—начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. С. 21.

59. Экономическая история России XIX—XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 209.

ным»⁶⁰. И хотя автор по традиции того времени пишет о «капиталистической» России, но тут же и оговаривается, что российский капитализм «не мог совершить скачок в своем развитии и преодолеть вековую отсталость», что «тяжелое наследие крепостничества и азиатчины по рукам и ногам сковывало развитие страны»⁶¹.

Есть и более обобщенные данные. А.Г. Вишневский приводит темпы прироста валового национального продукта на душу населения за 1870–1913 гг. по основным странам. Так, среднегодовые темпы прироста были (в процентах): Россия – 1,0; США – 2,2; Великобритания – 1,1; Германия – 1,6; Франция – 1,4; Италия – 0,7; Япония – 1,7. Россия, хотя и развивалась почти как западные страны, но по темпам прироста опережала только Италию. Поэтому вывод А.Г. Вишневого о том, что «в целом, несмотря на ускоренное промышленное развитие, преодолеть отрыв от западных стран не удавалось, возможно, он даже увеличивался»⁶², следует признать вполне убедительным. И в финансовом отношении, несмотря на знаменитую реформу С.Ю. Витте, Россия ничем похвастаться не могла. Имеющиеся данные говорят, что доля России в мировом экспорте даже понизилась с 5,2% в 1885 г. до 4,5% в 1913 г. и по объему в стоимостном выражении была меньше английской в 3,3 раза, США – 3,1 раза, Германии – 3 раза, Франции – 1,7 раза. Рубль, даже став золотым, «на международную валютную арену практически не вышел... Имевшийся на этот счет потенциал золотой валюты так никогда и не был реализован»⁶³. Более того, некоторые современные исследования убедительно показывают противоречивость денежно-финансовой реформы С.Ю. Витте. В ее результате, – пишет А.Н. Дубянский в статье с характерным названием «Денежная реформа С.Ю. Витте. Негативные аспекты введения в России золотого рубля», – российский долг увеличился в 1,3 раза, в стране разразился промышленный кризис, выросли арендные платежи за землю, что ударило по крестьянству, произошло понижение зарплаты сельскохозяйственных рабочих, и в целом реформа оказалась

---

60. Гиндин И.Ф. В.И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России. В сб.: В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970. С. 265.

61. Там же. С. 266.

62. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 12, 13.

63. Борисов С.М. Рубль – валюта России. М., 2004. С. 28, 29.

незаметной и непонятной для российской общественности. «Таким образом, — делает вывод автор этого исследования, — путем разорения российской экономики денежная реформа С.Ю. Витте толкнула страну в бездну революции»⁶⁴. Конечно, не один С.Ю. Витте с его реформой виноват в пришествии революции 1905 или 1917 г., для нее были и другие веские основания. Но конкретно-исторические современные исследования, подобно вышеприведенному, показывают полную несостоятельность идеологизированных утверждений следующего образца: «В целом денежно-финансовая реформа С.Ю. Витте стала локомотивом «русского экономического чуда» в конце XIX—начале XX вв.»⁶⁵. Реформа С.Ю. Витте не стала и не могла стать «локомотивом», ибо чуда в действительности никакого не было. При интенсивном экономическом развитии Россия так же была далека от передовых индустриальных стран Европы, как и в 1861 г. В стране не было собственного капитала для проведения индустриализации. Вот в чем состояла основная проблема модернизации России и превращения ее в развитое капиталистическое (буржуазное) общество.

Наш крупный современный историк Ю.П. Бокарев, сравнивая различные модели индустриализации, делает такой обоснованный вывод: «Если сравнить темпы индустриализации СССР и дореволюционной России, то последняя по сути дела топталась на месте... Нет никаких оснований утверждать, что при сохранении дореволюционного экономического устройства Россия достигла бы большего экономического развития, чем при большевиках»⁶⁶. Таким образом, сделаем вывод, что «русский капитализм» как не смог преодолеть «наследие крепостничества и азиатчины», так и не смог провести индустриализацию и создать крупное машинное производство и вывести страну из экономической отсталости. «Процесс индустриализации, — отмечает А. Гершенкрон, — есть также и процесс уменьшения отсталости»⁶⁷. Россия в начале XX в. оставалась в

---

64. Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 2. Волгоград: ВолГУ, 2000. С. 101, 103, 104.

65. Кудров В.М. Экономика России в мировом контексте. СПб.: Алетейя, 2007. С. 78.

66. Бокарев Ю.П. Две модели индустриализации. В сб.: История российской промышленности в XX веке. М.: ИЭ РАН, 2004. С. 30–31.

67. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962. P. 123.

ряду самых отсталых европейских стран. Значит, господствовали не капиталистические отношения, хотя они и были в изрядной доле, а отношения «крепостничества и азиатчины». Кстати говоря, эти отношения на российской почве оказались весьма устойчивыми, и следы их удивительным образом сохранились до сего дня.

Главное — нельзя путать экономический рост и социальную форму этого роста, т.е. нельзя путать развитие производительных сил и развитие производственных отношений. Конечно, одно должно соответствовать другому, и история это подтверждает. Но это соответствие не происходит автоматически с каждым пунктом развития техники и технологии производства. Естественным образом производственные отношения более или менее отстают от своего материального базиса и соответствуют ему лишь в конечном счете. Поэтому следует признать грубой методологической ошибкой, когда показателем промышленного производства на душу населения определяют степень развитости капитализма.

При этом необходимо иметь в виду, что значительную долю национального дохода России в начале XX в. давало именно сельское хозяйство. По обобщенным данным А.Л. Вайнштейна, в 1913 г. на долю сельского хозяйства, лесоводства, рыболовства и охоты приходилось 54–52% (по подсчетам разных экономистов) национального дохода страны, а на промышленность, строительство и транспорт — 34–36%⁶⁸. Иными словами, индустриальный сектор отнюдь не доминировал в дореволюционной России и темпы его развития, даже временами значительные, не создавали в стране даже «среднеразвитого» капитализма. Экономика России была слабой, основная масса населения, занимаясь земледелием, жила впроголодь. И в этой связи уместно привести слова В.И. Ленина: «На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреодолимо. Его никогда нельзя забывать»⁶⁹. Это было написано Лениным в 1907 г., а через 10 лет это положение большевики поспешили забыть, в том числе и сам Ленин.

---

68. Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР. История, методология исчисления, динамика. М., 1969. С. 68, 71.

69. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 14.

Русская революция: одна или две?

Основной вопрос всей темы Великой российской революции состоит в выяснении того, сколько было революций: одна или две. В советский период утвердилось положение, что в феврале 1917 г. была буржуазно-демократическая революция, а в октябре того же года — пролетарская, социалистическая. Было как бы две революции. Это положение во многом сохранилось и до сего дня. И оно раскалывает современное российское общество на две части: одни — за буржуазную революцию, другие — за социалистическую. Даже те, кто вообще отрицают значение и смысл русской революции, принимают ее за социалистическую. Ибо не приемлют «социализм», под названием которого сложился особый общественно-экономический строй в России в XX в. Но есть многие основания подвергнуть сомнению эту советскую догму.

В России революция произошла только в начале становления капитализма, российская буржуазия была слабой и не в силах возглавить революцию. В результате революции власть оказалась в руках пролетарской, марксистской партии, которая и встала перед проблемой строительства социализма в экономически и культурно отсталой стране. Как это можно было объяснить, не порывая с марксизмом? Согласно марксистской концепции новый общественный строй может появиться лишь тогда, когда для него созрели необходимые материальные предпосылки. Это положение было постулатом всей социал-демократии, меньшевики постоянно его педалировали в дискуссиях с большевиками. На это противоречие, как основное в понимании всей революции, обратил внимание еще в 1920 г. П.Н. Милюков. В своей «Истории второй русской революции» он писал, что это противоречие по существу было противоречием «между научным и утопическим социализмом». «Умеренные течения социализма были убеждены в невозможности социалистического переворота и безусловно признавали необходимость идти вместе с «буржуазией», но в то же время они не могли разорвать

нитей, связывающих их в общий социалистический блок со сторонниками борьбы за немедленный социалистический переворот. Это внутреннее противоречие и вытекающая из него неустойчивость тактики и погубили социалистический блок»⁷⁰. Это основная проблема Русской революции сказывалась не только в тактике революционных партий 1917 г., но и после победы большевиков. Это-то и порождает многие трудности в научной интерпретации революции, в частности определения ее характера. Первая и основная трудность, видимо, состоит в том, что в наших головах прочно засела формула о социалистическом характере Русской революции, сформулированная еще первыми большевиками.

Как известно, Русская революция произошла в отсталой стране, с крайне низким уровнем развития капитализма. В советский период многие историки пытались доказать, что Россия в начале XX в. была страной «среднего уровня капиталистического развития», но, кроме соответствующих цитат В.И. Ленина, в подтверждение этого тезиса привести что-либо конкретное было невозможно, кроме разрозненных фактов промышленного роста. На этот период в России, конечно, существовал капиталистический уклад, но он не занимал господствующего положения. При этом следует различать развитие промышленности и развитие капиталистических отношений (капитализма), хотя и связаны эти два процесса самым тесным образом. По общему правилу, второе есть следствие первого, и уже в силу этого капиталистические отношения должны несколько отставать в своем развитии от развития, собственно, индустриального сектора. Для России это имеет особое значение, ибо промышленность тут в XVIII в. и большую часть XIX в. развивалась преимущественно как государственная. В этих условиях согласно марксистской теории в России могла произойти только буржуазно-демократическая революция, целью которой было прежде всего преодоление феодализма.

Теперь рассмотрим позицию В.И. Ленина по вопросу характера революции. Будучи ортодоксальным марксистом, он до самого Октября 1917 г. не говорил о социалистическом характере предстоящей революции. Так, в «Прощальном письме к швейцар-

---

70. Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 207.

ским рабочим» перед самым отъездом в Россию (середина марта 1917 г.) сказано: «Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм». Итак, Ленин допускал русскую революцию при самом широком ее размахе только как пролог «всемирной социалистической революции». Далее. Если внимательно проанализировать знаменитые апрельские (1917 г.) тезисы Ленина, то и здесь мы не найдем формулы социалистической революции. Более того, пункт 8 этих тезисов гласит: «Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов». В наброске статьи в защиту апрельских тезисов Ленин еще раз специально подчеркивает: «Революция буржуазная в данной стадии. Поэтому не надо “социалистического эксперимента”». В «Письме о тактике», которое также входит в блок апрельских работ Ленина, он еще раз отмечает: «Я не только не “рассчитываю” на “немедленное перерождение” нашей революции в *социалистическую*, а прямо предостерегаю против этого». И наконец, в докладе на Апрельской Всероссийской конференции РСДРП(б) Ленин еще и еще раз подчеркивает: «Мы не можем стоять за то, чтобы социализм “вводить”, — это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедовать. Большинство населения в России — крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не могут и думать»⁷¹. Таким образом, внимательное чтение апрельских работ Ленина 1917 г., и прежде всего «Тезисов», убеждает в абсолютной неправильности «сталинской школы фальсификаций» о том, что Апрельские тезисы ориентировали партию на социалистическую революцию. Читаем Ленина дальше. В марте 1922 г. в речи на XI съезде партии он вдруг заявляет: «Наша задача — буржуазную революцию довести до конца»⁷². Эта речь на XI съезде очень характерна для уже, видимо, больного Ленина. Но эта же речь — одно из последних его принципиальных публичных выступлений. И оказывается, что через пять лет после революции буржуазная революция так еще и не закончена. А когда же тогда была социалистическая?

71. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 91–92, 116, 123, 142, 357.

72. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 107.

Большевики в 1917 г. предложили обществу политическую тактику, которая была ближе всех остальных к потребностям того момента. Но стратегически политика «военного коммунизма», которая во многом была вызвана условиями хозяйственной разрухи и Гражданской войны, и в какой-то мере идеологическими чаяниями большевиков, оказалась политической стратегией, которую общество не приняло, и от этой политики после окончания Гражданской войны пришлось отказаться. Большевики очень не хотели переходить к НЭПу, это был серьезный кризис для многих коммунистов. Известно, что Троцкий еще в 1920 г. предложил некоторые меры в духе НЭПа, но Ленин и другие целый год не могли решиться на этот переход. Объективная составляющая экономического развития общества потребовала перехода к НЭПу, и большевики пошли на этот переход, даже вопреки своим идеологическим установкам. Поэтому Ленин и говорил о НЭПе как отступлении, самотермидоризации. Теоретически была ясна неизбежность именно буржуазного развития, пусть и в своеобразной форме, но большевики этого очень не хотели. И хотя история принуждала большевиков и последующих советских руководителей развивать рыночные и буржуазные отношения, последовательно такая политика не проводилась. Господствовала двойственность.

Еще в начале 1920-х годов это было отмечено в своеобразной концепции национал-большевизма. Н.В. Устрялов писал в 1922 г., что советская власть идет на уступки, компромисс с жизнью: «Сохраняя старые цели, внешне не отступаясь от «лозунгов социалистической революции», твердо удерживая за собой политическую диктатуру, она начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры — «буржуазной» природы»⁷³. Революционная Россия, писал Устрялов, «превращается по своему социальному существу в “буржуазную”, собственническую страну»⁷⁴. Национал-большевизм никогда не был объявленной официальной идеологией в СССР, но был идеологией теневой. Ибо она была руководством (плохо осознанным или вовсе не осознанным) к практическим действиям, ко-

73. Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 139.

74. Там же. С. 232.

торые с большей или меньшей последовательностью осуществлялись весь советский период.

По многим характерным чертам общество, возникшее после революции, больше напоминало буржуазное, чем социалистическое. Есть колоритная зарисовка М. Горького о человеке, который после революции рассказывал Горькому о провинции: «Самое интересное и значительное — буржуй растет!.. Как же это? Социалистическое отечество, и вдруг — буржуй растет! И такой, знаете, урожай на него, как на белый гриб сырым летом. Мелкий такой буржуй, но крепкий, ядреный»⁷⁵. И действительно, многие, если не все, экономические мероприятия советской власти были по своему характеру буржуазными. Под буржуазностью в данном случае понимается стремление человека (или группы людей, слоя, класса) в своей повседневной и хозяйственной деятельности следовать принципам рационального экономического поведения. Буржуазность — это скрупулезное соизмерение затрат и результатов труда, бережливость, экономичность, говоря по-старому, хозрасчет, доведенный до каждого человека. Но буржуазность — это не просто экономическая рациональность и эффективность, а рациональность, возведенная в высший принцип существования, в своеобразную религию. В условиях советского периода буржуазность не проявлялась, так сказать, в ее чистых формах, было много своеобразия, источником которых, с одной стороны, был непережитый феодализм. Например, индивидуализм не играл решающей роли. С другой стороны, советская идеология и социалистическая фразеология, которые осуждали и тормозили буржуазные, мещанские интенции в официальной жизни. В реальной жизни эти последние, конечно же, доминировали.

Итак, буржуазные отношения начали формироваться еще в старой России и продолжились в советской. Это проявлялось в индустриализации, развитии хозрасчета, материальном стимулировании труда и т.д. Развитие экономики, повышение эффективности производства, стремление к рентабельности, всемерной экономии и рачительности в хозяйстве — все это есть проявление буржуазности данного способа производства. Ничего социалистического здесь нет. Индустриализация, например, есть необходимый элемент форми-

---

75. Горький М. Книга о русских людях. М.: ВАГРИУС, 2000. С. 462.

рования и развития капиталистического способа производства, а не элемент посткапиталистического развития. В России же индустриализация происходила в 1930-е годы, и только в результате ее страна перестала быть аграрной. Лишь в середине 1950-х гг. городское население СССР превысило сельское, т.е. всего-то 60 лет назад страна стала урбанизированной. Именно в ходе и вследствие индустриализации получали развитие такие сугубо буржуазные отношения, как хозяйственный расчет, материальное стимулирование труда, премиальные системы, тарификация труда, ударничество, стахановское движение и т. п.

Это, конечно, еще не капитализм в его классической форме, но это господство своеобразных буржуазных отношений. Сложность состоит в том, что правящая элита советского периода все это называло социализмом, что стало привычной формулой для многих. Поэтому практика без конца натывалась на массу противоречий: между материальным стимулированием труда и стремлением к равенству, между необходимостью прибыльного ведения хозяйства и решением социальных проблем, между социалистическими лозунгами и буржуазной действительностью. Но при сохранении буржуазного способа производства распределения по капиталу в СССР все-таки не было. Распределение осуществлялось частично по труду (буржуазность), частично по социальному статусу в бюрократической иерархии (феодалность). Отсюда отношения советского периода характеризовались двойственностью. С одной стороны, им навязывали социалистические ценности и соответственно ориентировали развитие трудящихся. Отсюда высокий уровень образования и престиж интеллектуальных профессий. С другой — в реальности люди все больше пропитывались буржуазными отношениями и ценностями. Особенно ярко это стало проявляться в брежневские времена «застоя». Итак, Россия и в советский период полностью не была буржуазным обществом. Господствовала смесь буржуазной объективности, феодальных остатков, социалистической фразеологии и интенций социального государства.

Все это не означает, что не было господства буржуазных экономических отношений. Никакая диктатура класса, партии или одного лица не в силах переломить ход истории. Сто лет развития своеобразного капитализма в России делают невозможным сегодня

переход к классическому капитализму эпохи первоначального накопления капитала. Нельзя вернуться к тому, что историей пройдено. Но это, в свою очередь, требует нового осмысления путей возможного развития страны.

Таким образом, Великая российская революция в целом носила буржуазно-демократический характер, включала несколько этапов, в том числе октябрьский. Она открыла дорогу для создания в России особого общественно-экономического строя, который социализмом с научной точки зрения назвать невозможно. Но этот строй превратил страну в мощную индустриальную державу, что обеспечило победу над фашистской Германией и создало довольно развитое социальное государство.

Более тонко и глубоко этот вопрос рассматривал Н.И. Бухарин в целом ряде работ. Центральной работой по этому вопросу можно считать его брошюру «О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР», которая вышла в октябре 1926 г. Здесь Бухарин совершенно правильно пишет, что «вопрос о возможности построения социализма в нашей стране есть не что иное, как вопрос о характере нашей революции»⁷⁶. Логика ответа у Бухарина такая: если социализма в стране построить нельзя, то, значит, и революция была не социалистическая. Логика, надо сказать, правильная.

Бухарин рассматривает по этому вопросу взгляды К. Каутского, О. Бауэра, А. Парвуса, Г. Штребеля, Г. Плеханова, П. Маслова, Д. Далина и др. и заключает, что лучшие меньшевистские идеологи еще в начале революции «давали характеристику этой революции как революции необходимо и неизбежно буржуазной»⁷⁷. Действительно, например, Д. Далин писал в 1922 г.: «Та революция, которую переживает Россия вот уже пятый год, с самого начала была и остается до самого конца буржуазной революцией»⁷⁸. Аргументация «лучших меньшевистских идеологов» К. Каутского, О. Бауэра, Д. Далина, П. Маслова, затем А. Парвуса и, наконец, Л. Троцкого сводилась к тому, что для осуществления социализма нужна определенная степень развития индустрии и зрелость рабочего класса,

---

76. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 288.

77. Там же. С. 293.

78. Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 10.

а в России ни того, ни другого не было. Стало быть, по их мнению, большевики послужат лишь мостом для какого-нибудь цезаря, бо-напарта или кого-нибудь в том же роде, рассуждает Бухарин. И тут же все это он объявляет «клеветническим итогом». Но ведь нам сегодня совершенно очевидно, что так и получилось.

Далее Бухарин берется за Троцкого и цитирует известное положение последнего: «Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты». На что Бухарин пишет: «Позиция Троцкого в вопросе о возможности построения социализма в нашей стране (или — что то же самое — в вопросе о характере нашей революции) есть ни больше ни меньше, как русский перевод бауэровского социал-демократического варианта»⁷⁹. И здесь Бухарин оказался прав. Троцкий стоял на классической марксистской позиции как и все лидеры мировой социал-демократии. Как было показано выше, с помощью теории перманентной революции он сумел примирить марксистский подход с экономическими и культурными условиями России и объяснить социально-политическую стратегию развития общества. Бухарин этого не понимал или больше заботился о совпадении своих текстов с текущей политической конъюнктурой. Вероятно, больше второе. Но тем самым Бухарин попал в пикантное положение, которое стало очевидным только после его гибели.

Бухарин стоял на такой позиции: если следовать логике меньшевиков о том, что страна не готова к социализму, то получается, что диктатура пролетариата — затея опасная и для самих большевиков. По этой логике, пишет Бухарин, можно лишь «заставить партию, очертя голову, броситься в эту авантюру, но путного из этого, как и из всякой авантюры, ничего не выйдет: партию ждет или неминуемый разгром, или неминуемая гибель по истечению короткого срока ее господства». И несколько ниже еще очень меткие слова писал Бухарин, иронизируя над сомнениями меньшевиков и левых оппозиционеров, что мол, строительство социализма в отсталых условиях России поведет лишь «к вырождению нового ре-

---

79. Там же, с. 296.

жима в безответственный режим бюрократического, аппаратного нажима, политического террора, к отрыву масс и в конце концов к вырождению самой партии»⁸⁰. А ведь правильно писал Бухарин, как в воду глядел. Конечно, в 1926 г. Бухарин вполне мог так говорить и насмеяться над своими оппонентами. Но сегодня мы можем констатировать, что все, как говорил Бухарин, так и получилось. Партия оказалась разгромленной в 1937 г., а сам Бухарин погиб. Значит, сегодня и Бухарин сказал бы о буржуазном характере русской революции. Это полностью вытекает из логики его рассуждений.

---

80. Там же, с. 300.

Буржуазность революции

По мнению современных историков, период Русской революции определяется рамками 1917–1922 гг., т.е. включает не только февраль и октябрь как этапы одного революционного процесса, но и весь период гражданской войны⁸¹. Следовательно, весь «военный коммунизм» нужно относить к периоду, собственно, революции, а не послереволюционного, нормального устройства общества, нормального хозяйственного развития. И действительно, период «военного коммунизма» и последующий за ним период НЭПа существенно, принципиально различаются.

В период «военного коммунизма» мы видим не только прагматические действия новой власти по наведению порядка, но и попытку на деле изжить буржуазные отношения, попытку практического осуществления некоторых главнейших социалистических доктрин. Конечно, все это происходило в рамках объективной неизбежности, в условиях войны, разрухи, беспорядка. Но доктринальный мотив в действиях большевистского правительства в этот период также очевиден. Однако эта социалистическая доктринальность была эпизодической, не системной; скорее, эмоциональной, чем сознательно и планомерно внедряемой.

Даже в первых декретах новой советской власти при внимательном рассмотрении можно обнаружить преследование буржуазных принципов (отобрать и поделить по-новому). В пример можно привести декрет «О потребительских кооперативных организациях» от 10 апреля 1918 г., где, в частности, указывалось: «Все торговые предприятия, снабжающие население предметами потребления, облагаются в пользу казны особым сбором в размере 5% их оборота»⁸². Эти 5% налога сильно напоминают налог с продаж в том же проценте, введенный в конце 1980-х годов, ког-

---

81. См.: 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 5.

82. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. 1917–1928 годы. М., 1967. С. 48.

да стали активно разворачивать рыночные отношения. Однако эта буржуазность была, так сказать, скрытая или вынужденная, она не исходила из идеологической доктрины. На эту буржуазность определенным образом уже тогда указывали некоторые наблюдатели. Так, Н. Бердяев вопрошал в ноябре 1917 г.: «Не наследует ли мир «социалистический» все «буржуазные» грехи и пороки, не хочет ли он «буржуазность» лишь равномерно распределить и довести ее до предельного развития и совершенства?»⁸³ Конечно, что-то Бердяев тут уловил существенное. Но в целом выглядит весьма неуместным в самый разгар революции подводить ее итоги. Как раз «военный коммунизм» показал, что «социалистический» мир искренне стремился преодолеть буржуазность. Эта буржуазность, как бы на нее ни указывали некоторые ригористы от теории, была скорее вызвана обстоятельствами, а не догмами. Нельзя же в самом деле в разрушенной стране заниматься исключительно духовным творчеством.

После периода «военного коммунизма» буржуазные принципы в экономической политике стали проявляться все больше и больше. И не как остатки прежней системы или незаконченности прежних мероприятий. Это, конечно, также было. Но теперь буржуазность входила как принцип и новой власти. Это породило много конфликтов, вызвало большую реакцию в самой партии. Можно даже сказать, что вся идеология «левой оппозиции» была пронизана именно этим.

В чем выражалась эта буржуазность? Прежде всего, конечно, в императивах экономического регулирования нормального хозяйственного развития. В усилении и укреплении денежного обращения и вообще всей финансово-кредитной системы, развитии хозяйственного расчета, рыночного оборота, торговли, развитию материального стимулирования труда, коммерческой самостоятельности государственных предприятий и т.д. Конечно, все эти меры были объективно необходимы, вызваны объективными обстоятельствами и были исторически оправданы. Но они никак не вытекали из социалистической доктрины. Отсюда и известное выражение Ленина, что НЭП – это отступление.

---

83. Бердяев Н. Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 гг. СПб, 1999. С. 67.

Более откровенно, последовательно и, можно даже сказать, язвительно и злорадно писали о буржуазном характере Русской революции и возникающих в ее результате социально-экономических отношениях оппоненты большевиков. Пожалуй, одним из более глубоких и умных наблюдателей этого процесса был Н.А. Бердяев. Уже в апреле 1918 г. он писал: «Под флагом большевистской, интернациональной социалистической революции у нас происходит совершенно буржуазный процесс собирания собственности теми, которые ее не имели или имели в недостаточном количестве». И несколько далее: «Очень ошибаются те, которые думают, что настоящая русская буржуазия это та небольшая кучка, которая до революции владела богатствами и уничтожить которую представляется столь легким делом нашим социалистам-максималистам». И наконец, следующее: «Оригинальной чертой русской революции нужно признать то, что в ней буржуазия образуется и обогащается под прикрытием социалистической, а не буржуазной идеологии». «Большевизм проводит не крупномасштабную промышленную революцию, а мелкобуржуазную революцию преимущественно аграрного характера». «Крестьянство и есть грядущая русская буржуазия»⁸⁴. Я привел так много цитат Н. Бердяева, потому что он один из первых и довольно точно определил как характер Русской революции, так и основную ее движущую силу. Это объясняет многое в дальнейшей судьбе революции и возникшего в ее результате общества.

О сохранении, вернее, невозможности преодоления буржуазности экономических отношений сразу же после революции говорит следующее логическое наблюдение другого знаменитого очевидца тех событий П.Б. Струве: «Падение производительности труда вынуждало у коммунистической власти новую производственную политику, которая характеризуется двумя основными чертами: 1) введением буржуазных поправок в социалистический строй труда; 2) введением военных методов воздействия на труд, его частичной или полной милитаризацией». Действительно, в конце «военного коммунизма» и то и другое было испробовано. Но милитаризация труда себя полностью не оправдала как долгосроч-

---

84. Бердяев Н. Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 гг. СПб, 1999. С. 102, 103, 104.

ная политика в области труда и пришлось переходить, как пишет Струве, к буржуазным поправкам в социалистический строй труда, т. е. переходить от уравниловки и добровольности к экономическому принуждению труда и материальному его стимулированию. «Введение буржуазных поправок в социалистический строй труда ознаменовалось, прежде всего, заменой повременной оплаты труда оплатой сдельной, подкрепленной системой премий за успешность труда. Этим совершенно опрокидывалось основное боевое пролетарское требование уравнительности в вознаграждении за труд, то требование, которое было всегда боевым кличем всех социалистов и в особенности самих большевиков»⁸⁵.

Таким образом, делает вывод Струве «обуржуазивание» трудового процесса, и его «милитаризация» вносят в советский коммунистический строй глубочайшие внутренние противоречия и в то же время не дают осязательных результатов в хозяйственном смысле. Действие буржуазных поправок парализуется и общим коммунистическим строем хозяйства, и активным и пассивным сопротивлением, которое рабочие оказывают этим поправкам»⁸⁶. И действительно, все годы советской власти шла борьба и в теории, и в практике, когда скрытая, когда почти открытая между уравнительностью распределения и материальным стимулированием труда. На уравнительность работали и слабая дифференциация зарплаты, и ограничения в оплате труда, а на стимулирование работала тарифная система, и особенно премиальная система. В теории все годы советской власти шла бесконечная дискуссия о допустимости при социализме материального стимулирования в достаточно серьезных масштабах, о характере социалистического труда как труда добровольного и т.п. И надо сказать, что в том контексте эта дискуссия не имела решения, ибо труд в советский период по своей сущности не был и не мог быть социалистическим.

Но вернемся к П. Струве. Еще одно место из той же работы П. Струве, важное для понимания всего процесса. Он пишет: «С социалистической точки зрения обоснование производительности или успешности производительного процесса на дифферен-

---

85. Струве П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства. // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX - начала XX века. Избранные произведения. М., 1994. С. 164.

86. Там же, с. 164–165.

циальной оплате труда есть радикальное отступление от уравни-тельной или эгалитарной основы социалистического советского хозяйства. И то, что социалистическая мысль и социалистическая власть обращаются к этому выводу, не есть обстоятельство, чисто исторически определяемое культурным уровнем русского народа, а есть существом дела обусловленная сдача центральной принципиальной позиции социализма, социализма не как правовой или экономической техники, а как социально-политической идеологии, — отказ от его эгалитарной идеи»⁸⁷. Это верно, что дифференциация в оплате труда есть отступление от социалистических принципов в сторону буржуазности. Напомним, что с этим вполне был согласен и Ленин, когда говорил о сохранении «буржуазного права» в распределении. Но почему так произошло, Струве не анализирует. Он просто констатирует этот факт и дальше делает умозаключение об ущербности самого социализма: «Либо социализм означает хозяйственный упадок или регресс, либо он должен быть “буржуазен”»⁸⁸. В целом эта дилемма верная, если держаться такого механистического понимания социализма, которое было широко распространено именно в то время. И большевикам после революции пришлось идти на такой «буржуазный» социализм. Но это по существу означает просто отсутствие социализма. Ведь одно, что провозглашала власть, и другое, что получалось на самом деле. Струве как-то легко поверил большевикам. Хотя, оговоримся, что ни Ленин, ни его сподвижники даже в начале 1920-х годов нигде не говорили о социалистическом характере общества того времени, в котором они жили.

Если считать, что Русская революция была буржуазной, то становится очевидным, что после нее мог развиваться отнюдь не социализм, а такая система хозяйства, где доминировали буржуазные принципы организации производства и труда. Считать иначе, значит попасть в ловушку сталинизированной методологии, где оказались либерал-демократы вместе с принципиальными последователями сталинизма. Просто первым «русский социализм» не нравится, а вторым нравится. Но ход логических рассуждений у тех и других совершенно одинаков.

---

87. Там же, с. 166–167.

88. Там же, с. 167.

Более глубокую трактовку невозможности развития и господства социалистических производственных отношений сразу же после революции дает другой современник событий М.И. Туган-Барановский. Он рассматривает два фактора социализации: крестьянство и рабочих фабричной промышленности. Крестьянство, составляющее почти 80% населения страны, думается, вообще было определяющим фактором в дальнейшем развитии российского общества. Могло ли оно сразу перейти к социалистическим отношениям? На этот вопрос положительно отвечали только народники или эсеры. Туган-Барановский, напротив, отвечал, что «идеалом нашего крестьянства является его собственное хозяйство с достаточным рабочим инвентарем и с достаточным земельным обеспечением». И далее: «И не только крестьянин ни малейшим образом не стремится к передаче своих средств производства обществу, но и объективный процесс хозяйственного развития противодействует этой передаче»⁸⁹. Теперь обратимся к индустриальному сектору общественного производства. Туган-Барановский считает, что социализация фабрик может происходить в двух формах. Или промышленные предприятия станут государственными, или перейдут в некую разновидность групповой формы собственности тех, кто на них работает.

Остановимся сперва на первой форме социализации промышленных предприятий, т.е. передаче их в государственную форму собственности. Будет ли это означать социализм, спрашивает Туган-Барановский. Нет, потому что и фабрики будут управляться «агентами министерства торговли или министерства труда» примерно так же, а чаще и хуже, чем они управлялись прежними предпринимателями. Но главное другое. Сам характер труда на этих государственных фабриках ничем не будет отличаться от труда на частных предприятиях. Туган-Барановский рассуждает так: «Что же может заменить в социалистическом государстве те стимулы повышения производительности труда, которые столь мощно действуют в капиталистическом обществе? Главным образом, чувство долга и преданности общим интересам. Гражданин социалистического государства должен уметь ставить общие интересы выше

---

89. Туган-Барановский М.И. Русская революция и социализм. В кн.: Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избранные произведения. М., 1994. С. 177.

своей частной выгоды и работать на общую пользу с такой же энергией и напряжением всех своих сил, с какой в наше время люди работают по эгоистическим мотивам»⁹⁰. Сегодня такое представление о характере социалистического труда представляется сильно устаревшим. Ибо гражданин социалистического общества должен видеть и получать свою частную выгоду, работая на общую пользу, а не постоянно находиться в положении буриданова осла между своей выгодой и общей. Это ложная дихотомия, которая не может лежать в основе развивающегося общественного производства. Однако именно такое понимание социалистического труда, которое демонстрирует Туган-Барановский, было широко распространено в то время среди социалистов, и оно, естественно, полностью совпадает с ленинским представлением о социалистическом труде. У Ленина даже есть высказывание 1920 г. о том, что «трудовые армии, трудовая повинность — вот практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда». Но, по Ленину, из той же работы явствует, что это «труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении»⁹¹. Однако Туган-Барановский делает вывод, что такой характер труда для тогдашних условий России «весьма сомнителен». Это, конечно, правильный вывод.

Второй момент еще более интересный. Туган-Барановский рассуждает относительно фабрик, если они перейдут в распоряжение рабочих, которые на них работают. Возможно ли это и что из этого получится. В этом случае, по мнению Туган-Барановского, «капиталистические фабрики заменяются производительными артелями рабочих»⁹². Однако, далее пишет Туган-Барановский, «многолетний опыт показал, что производительные артели являются тем видом кооперации, который среди всех кооперативов имеет всего менее успеха... Тысячи артелей возникали в разное время в разных странах, но большинство их распадалось вскоре после своего возникновения»⁹³. Конечно, считает Туган-Барановский, рабочие могут

---

90. Там же. С. 181.

91. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 315.

92. Туган-Барановский М. И. Русская революция и социализм. В кн.: Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. Избранные произведения. М., 1994. С. 179.

93. Там же. С. 179—180.

преобразовать частнокапиталистическое предприятие в артель, в кооператив, но это будет лишь отдельным случаем, редким исключением, а не общим правилом. «Во всяком случае не путем производительных артелей капиталистический строй превратится в социалистический»⁹⁴.

И общий вывод, который делает Туган-Барановский из своего анализа возможностей развития социалистических отношений таков: «До социализма современная Россия безусловно не дозрела. Великая русская революция является не только политической, но и социальной. Но это не революция социалистическая... Благодаря русской революции социальный состав русского общества должен измениться в самом своем корне. Исчезнет тот общественный класс, который во всю многовековую историю русского государства играл руководящую роль — класс крупных землевладельцев-помещиков»⁹⁵. Таким образом, и Туган-Барановский не рассматривал Русскую революцию как непосредственно социалистическую.

---

94. Там же. С. 180.

95. Там же. С. 187.

Заключение

Итак, Октябрьскую революции стали называть социалистической без каких-либо оговорок только в сталинский период отечественной истории. При этом все противные точки зрения для простоты дела объявлялись ненаучными, а их авторы — врагами советской власти. Но почему сталинско-бухаринская концепция революции лучше, чем то, что писали о революции К. Каутский, Г. Плеханов, О. Бауэр, Ю. Мартов, Н. Бердяев, П. Струве и даже Л. Троцкий, а также многие другие? Почему надо обязательно интеллект Сталина и его умозаключения, которые он делал отнюдь не в целях научной истины, а всегда преследуя узкие политические задачи, ставить выше всех остальных социальных мыслителей? Почему умозаключения Сталина, если даже их и не озвучивают его сторонники, лучше, чем выводы К. Каутского или Н. Бердяева? Объяснить такую позицию трудно.

Итак, подведем некоторые итоги. Из рассмотрения работ как лидеров большевизма, так и наиболее крупных их оппонентов, вырисовываются несколько аспектов трактовки Русской революции. Прежде всего, хотя октябрьский этап и можно, специально выделяя, называть «третьей революцией», «пролетарским переворотом», но по существу своему он явился лишь завершающим этапом единой Русской революции. Этим этапом были окончательно подорваны и ликвидированы как господствующие добуржуазные отношения в обществе.

Вместе с тем, октябрьский этап был весьма своеобразен, что и породило вокруг трактовки его характера большой разноречивой и дискуссии. Выполняя по существу функцию завершения буржуазно-демократических преобразований, этот этап был проведен, возглавлен марксистской пролетарской партией. Целью последней было создание социалистического общества. Победа и власть оказались за партией большевиков. Эта коллизия и внесла много путаницы в дальнейшее развитие российского общества и, главным образом, в его теоретическую интерпретацию.

Таким образом, Русская революция в целом, несмотря на то, кто ее возглавил и что при этом говорил, имея два конституирующих ее этапа (февраль и октябрь), была по своим целям и движущим силам буржуазно-демократической революцией. Этот вывод подтверждается многими соображениями.

- Численность пролетариата в начале XX в. в России была настолько незначительной, что говорить о пролетарской революции просто не приходится.
- Отсутствие достаточных материальных и исторических предпосылок для социалистической революции. Слабое развитие капиталистических производственных отношений вообще и почти полное отсутствие их в аграрном секторе экономики, где была занята подавляющая часть населения.
- Невозможность за 7–8 месяцев между февралем и октябрём прохождения пути буржуазного развития.
- Надлом в результате революции лишь феодальных форм жизни общества.
- Нечеткость трактовок характера революции в работах самих лидеров большевизма.
- Постоянная аналогия в работах и выступлениях большевиков с другими буржуазными революциями, с историей развития капиталистического способа производства.
- Господство буржуазных производственных отношений (в своеобразной форме) весь послереволюционный период.

Таким образом, признавая масштабное значение Великой российской революции как поворотного события в истории России, следует признать буржуазным ее характер в целом. Укладывать же две существенно разные революции в один год, с научной точки зрения просто нелепо.

Литература

- Абалкин Л.И.* Социализма мы не построили // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор / Под ред. М.И. Воейкова. СПб.: Алетейя, 2011.
- Адамов В.В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1972.
- Анфимов А.М.* К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // «Исторические записки», Т. 65. М., 1959.
- Анфимов А.М.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. М.: Институт российской истории РАН, 2002.
- Арин О.* Царская Россия: мифы и реальность (конец XIX– начало XX веков). М., 1999.
- Бердяев Н.* Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. СПб.: РХГИ, 1999.
- Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: КНИГА, 1991.
- Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001.
- Бокарев Ю.П.* Две модели индустриализации // История российской промышленности в XX веке. М.: ИЭ РАН, 2004.
- Бокарев Ю.П.* Проблемы пореформенного развития промышленности России // 150 лет отмены крепостного права и судьбы капитализма в России. М.: ИЭ РАН, 2011.
- Борисов С.М.* Рубль – валюта России. М.: Консалтбанкир, 2004.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация и капитализм. Т. 2. Игры обмена. М.: Весь Мир, 2006.
- Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.

- Бухараев В.М., Люкишин Д.И.* Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Институт российской истории РАН, 1998.
- Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988.
- Вайнштейн А.Л.* Народный доход России и СССР. История, методология исчисления, динамика. М.: Наука, 1969.
- Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс, 1992.
- Вишневецкий А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
- Волин В.М.* Неизвестная революция, 1917–1921. М.: НПЦ «Праксис», 2005.
- Герцен А.И.* Концы и начала // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 томах. Т. XVI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
- Гефтер М.Я.* Многоукладность – характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1972.
- Гиндин И.Ф.* В.И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России // В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М.: Наука, 1970.
- Гловели Г.Д.* Перипетии экономических периодизаций истории // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
- Горький М.* Книга о русских людях. М.: ВАГРИУС, 2000.
- Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.
- Гусейнов Р.М.* Капитализма в России не было даже в период «капитализма» // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.
- Далин Д.* После войн и революций. Берлин, 1922.

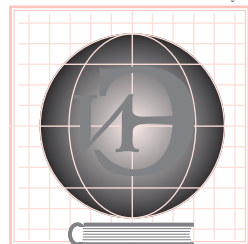

- Дойчер И.* Незавершенная революция. М.: «Интер-Версо», 1991.
- История ВКП(б). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1938.
- История социалистической экономики СССР. Т. 1. Советская экономика в 1917–1920 гг. М.: Наука, 1976.
- Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация в России XX в. // Кооперация. Страницы истории. Вып. 6. М.: ИЭ РАН, 1997.
- Карр Э.Х.* Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. М.: «Интер-Версо», 1990.
- Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX–начала XX в. М.: РОССПЭН, 2004.
- Колганов А.И.* 1917 год: проблема двух революций в России и современность // Октябрь 1917: Вызовы для XXI века / Под ред. А. Сорокина. М.: ЛЕНАНД, 2009.
- Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991.
- Кропоткин П.А.* Что же делать? // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 1992.
- Кудров В.М.* Экономика России в мировом контексте. СПб.: Алетейя, 2007.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1–55. М.: Госполитиздат, 1960–1966.
- Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.
- Ляцвенко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. II. М.: Госполитиздат, 1956.
- Малия М.* Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002.
- Милов А.В.* По следам ушедших эпох. Статьи и заметки. М.: Наука, 2006.
- Милюков П.Н.* История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001.
- Мицу Л.Е.* Трудовые ресурсы СССР. М.: Наука, 1975.
- Михайловский Н.К.* Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995.
- Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М.: Политиздат, 1991.
- Октябрь 1917: смысл и значение. Материалы круглого стола в Горбачев-Фонде 30 октября 1997 г. М., 1998.
- Пажитнов К.А.* К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности. «Исторические записки», 1940, вып. 7.

- Пайнс Р.* Русская революция. Часть 1. М.: РОССПЭН, 1994.
- Пантин И.К.* Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика. М.: Летний сад, 2015.
- Переход от феодализма к капитализму в России. М.: Наука, 1969.
- Плеханов Г.В.* Наши разногласия // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5 томах. Т. I. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1956.
- Плимак Е.Г., Пантин И.К.* Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М.: «Весь Мир», 2000.
- Разгон Л.Э.* Непридуманное: повесть в рассказах. М., 1989.
- Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М.: Соцэкгиз, 1958.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. 1917–928 годы. М.: Политиздат, 1967.
- Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М.: Наука, 1996.
- Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994.
- Струве П.Б.* Итоги и существо коммунистического хозяйства // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX–начала XX века. Избранные произведения. М., 1994.
- Таниуги Ю.* К истории коллективизации сельского хозяйства в СССР: государство и община // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996.
- Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1–2. М.: ТЕРРА; Республика, 1997.
- Туган-Барановский М.И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1997.
- Туган-Барановский М.И.* Русская революция и социализм // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избранные произведения. М., 1994.
- 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998.
- Устрялов Н.В.* Национал-большевизм. М.: Изд-во Эксмо, 2003.
- Фишер Л.* Жизнь Ленина. London, 1970.
- Хейфец Б.А.* Кредитная история России. Характеристика суверенного заемщика. М.: Экономика, 2003.
- Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945). Под ред. А.Ф. Киселева, Э. М. Шягина. М., 1996.

- Хромов П.А.* Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М.: Высшая школа, 1982.
- Чураков Д.О.* Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М.: АИРО-XX, 1998.
- Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907 и 1917–1922 гг. М.: «Весь Мир», 1997.
- Bergmann Th.* (ed.). *Der Widerschein der Russischen Revolution. Ein Kritischer Ruckblick auf 1917 und die Folgen.* Hamburg: VSA-Verlag, 1997.
- Drweski B.* (ed.) *Octobre 1917: Causes, impact, prolongements.* Paris: Presses Universitaires de France, 1999.
- Gerschenkron A.* *Economic Backwardness in Historical Perspective.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.
- Lewin M.* *Lenin's Last Struggle.* N.-Y.: Vintage Books, 1970.
- Matgamna S.* (ed.). *The Fate of the Russian Revolution. Lost Texts of Critical Marxism.* London: Phoenix Press, 1998.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

М.И. Воейков

Великая российская революция: экономическое измерение

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 02.03.2017. Заказ № 5

Тираж 300 экз. Объем 2,5 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0594-1

9 785994 005941